

Слуги позади него тут же бросились вперёд, указывая пальцем на Гу Шаобая, их пронзительные голоса поднялись на октаву.

— Кто вы такие? Знаете, кто это? Осмелились преградить дорогу нашему молодому господину, видно, жить надоело...

Мо Жань, стоявший рядом, тихо сказал Гу Шаобаю:

— Это сын Ван Сыдао, Ван Цзинфэй.

Гу Шаобай внимательно посмотрел на человека с узкими глазами. Это был племянник императрицы, печально известный в столице как «Цзинлинский злой пес» Ван Цзинфэй.

Он кивнул и тихо произнёс:

— Ты молчи и слушай мои указания.

Мо Жань кивнул.

Крики и ругань привлекли внимание многих, все собрались посмотреть на происходящее, но, боясь статуса Ван Цзинфэя, никто не осмеливался вмешаться.

Гу Шаобай громко рассмеялся:

— Я, маленький господин, конечно, знаю этого молодого хозяина...

Узкие глаза Ван Цзинфэя тут же загорелись, губы растянулись в ухмылке, он посмотрел вверх, словно небо и земля не могли вместить его лицо.

— Раз знаешь, кто я, так убирайся с дороги!

Слуга, оправдывая ожидания, тут же показал свою преданность, уперся руками в бока и тонким голосом закричал:

— Да, убирайтесь, а то молодой господин разозлится и всех вас в тюрьму упрячет!

Гу Шаобай усмехнулся:

— Этот молодой господин, не тот ли, кто зовется «Ван Злая Собака», а прозвище у него «Нечеловек», тот самый Цзинлинский пес?

Ван Цзинфэй и слуга переглянулись, слуга закричал:

— Молодой господин, он вас обозвал!

Ван Цзинфэй заорал:

— Я не глухой, чего ты стоишь? Иди зови Вана Да и остальных, пусть бьют...

Не дожидаясь, пока хозяин закончит, слуга развернулся и побежал за ворота, видимо, чтобы позвать личных охранников Ван Цзинфэя.

Увидев, как тот убежал, Гу Шаобай повернулся к Мо Жаню и крикнул:

— Вперёд, дурак, бей его изо всех сил!

Мо Жань, услышав это, тут же закатал рукава и бросился в бой. Хотя он и не унаследовал навыки маркиза Динбэй, но за годы, проведённые в тренировках, он всё же не зря потратил время. Его боевые навыки были не слишком изысканны, но зато он обладал крепким телом, и пары человек ему было вполне достаточно.

К тому же, он давно уже невзлюбил эту собаку, которая, пользуясь властью семьи Ван, творила зло, обижая мужчин и женщин. Это был отличный случай, чтобы проучить этого злого пса.

Ещё когда Гу Шаобай сидел у стены, он заметил за ними маленькую железную дверь, которая давно не открывалась, а замок на ней был покрыт ржавчиной.

Теперь, пока Ван Цзинфэй получал удары, он поднял с земли камень и побежал к двери, чтобы сбить замок. Замок, долгое время подвергавшийся дождям и солнцу, вероятно, был полностью проржавел, и после семи-восьми ударов наконец сдался.

С грохотом железная дверь распахнулась от удара ногой Гу Шаобая, он крикнул Мо Жаню:

— Хватит, пора бежать!

Затем, схватив мальчика за руку, он первым выбежал наружу.

Ван Цзинфэй уже лежал на земле, его лицо было в синяках, он кричал, зовя отца и мать. Мо Жань ещё пару раз пнул его, хоть и чувствовал, что не до конца выплеснул злость, но, услышав приближающиеся шаги, понял, что люди Ван Цзинфэя уже близко, и не стал задерживаться. Он не проронил ни слова за весь бой, лишь в конце плюнул на лежащего на земле пса и побежал, через пару шагов выскочив за ворота.

Слуга с уродливой физиономией, приведя людей, был в ужасе. В Цзинлине кто-то посмел ударить сына императорского дяди.

— Ох, господи, кто же это такой смелый...

Ван Цзинфэй поднял лицо, похожее на свиное рыло, и ударил слугу по лицу, прошипев:

— Чего стоишь? Беги за ними...

Мо Жань быстро догнал Гу Шаобая, и трое, набравшись духу, как сумасшедшие бежали, пока за ними не стихли голоса, и только тогда упали на землю, тяжело дыша.

Гу Шаобай и Мо Жань посмотрели друг на друга и не смогли сдержать смеха.

Очки Гу Шаобая куда-то пропали, а усы остались наполовину. А у Мо Жана длинные усы превратились в тонкую полоску, а большая родинка едва держалась, лицо было размазано, и выглядел он крайне жалко.

Немного отдохнув, трое поняли, что задерживаться нельзя.

Гу Шаобай подумал и сразу же повел их к Му Люняню.

Му Люнянь только что умылся и собирался лечь спать.

Фан Цинчи как раз поправлял ему одеяло. Сначала Гу Шаобай попросил его присматривать за Му Люнянем, но со временем это стало привычкой, и каждый день он приходил, чтобы проведать его, иначе не мог успокоиться.

А Гу Шаобай, словно сбросив с себя все заботы, бросил этот горячий картофель Фан Цинчи и каждый день пропадал неизвестно где.

Свеча уже догорала, пламя постепенно угасало.

Му Люнянь лежал под светло-серым шёлковым одеялом, его чёрные как смоль волосы раскинулись вокруг, отчего лицо казалось ещё бледнее. Его брови, похожие на далёкие горы, под мягким светом свечи выглядели ещё более размытыми.

Он моргнул, длинные ресницы отбросили тень на лицо, затем он слегка приподнял их, а Фан Цинчи, наклонившись, поправил ему одеяло, его взгляд случайно скользнул в сторону, но он не стал задерживаться, избегая долгого зрительного контакта.

Поправив одеяло, Фан Цинчи тихо сказал:

— Спи, я ухожу...

Он наклонился, чтобы задуть свечу, как вдруг услышал низкий, но изящный голос Му Люняня:

— Цинчи...

Фан Цинчи остановился и повернулся.

— Спасибо тебе...

Фан Цинчи слегка улыбнулся, глядя на тени деревьев за окном, и не ответил.

В тихой комнате тонкие нити чувств медленно текли, две струны сердца зазвучали в унисон, создавая гармонию, тихую, но выразительную!

С грохотом распахнулись ворота.

Фан Цинчи резко очнулся, схватил со стола меч, и с лязгом он засверкал голубым светом, словно молния, разрезающая тьму.

Его фигура мелькнула, и он выскочил из спальни.

Му Люнянь также напрягся и сел, затаив дыхание, пока не услышал звук меча, возвращаемого в ножны, и только тогда вздохнул с облегчением.

Занавеска откинулась, и тёплый весенний ветер ворвался в комнату, принеся с собой трёх странных людей. Му Люнянь был шокирован, хоть и чувствовал, что они знакомы, но не сразу узнал их.

Только когда Гу Шаобай заговорил, он понял, что этот человек с размазанным лицом и наполовину срезанными усами — это Гу Шаобай!

Мо Жань шёл следом за Гу Шаобаем, в комнате свеча почти догорела, и в полумраке он увидел сидящего на кровати человека. Когда зажглась свеча, Му Люнянь зажгёт ещё одну.

Их взгляды встретились, Му Люнянь не сразу узнал Мо Жаня, но услышал его возглас:

— Ах!

Мо Жань уже хотел что-то спросить, как вошёл Фан Цинчи, держа в руках маленькую чашу, от которой пахло чем-то кислым.

Он взял платок, смочил его содержимым чаши и начал протирать лица Гу Шаобая и Мо Жаня. Гу Шаобай был ещё ничего, но когда Мо Жань показал своё настоящее лицо, Му Люнянь был шокирован.

Он невольно выдохнул:

— Молодой маркиз...

Гу Шаобай, видя его испуг, быстро подошёл к кровати и похлопал его по плечу:

— Не бойся, Мо Жань — свой человек!

Мо Жань последовал за ним и ударил Гу Шаобая по плечу:

— Ну ты даёшь, Гу Шаобай! Оказывается, ты похитил наследника, а мне, другу, даже не сказал!

Гу Шаобай поморщился, хоть Мо Жань и не приложил много сил, но всё же было больно!

Му Люнянь слегка прикусил губу и тихо сказал:

— Молодой маркиз, я больше не наследник...

Мо Жань, видя его печаль, мягко произнёс:

— Здесь нет наследника, конечно, нет и молодого маркиза. Зови меня «Синъюнь»!

Му Люнянь кивнул.

Гу Шаобай вдруг вспомнил, что инициатор сегодняшних событий всё ещё стоит у двери.

Он дружелюбно взял мальчика за руку и усадил его на стул:

— Как тебя зовут? Что сегодня произошло?

Мальчик вдруг упал на колени и ударился головой об пол с грохотом:

— Цинсяо благодарит двух спасителей за спасение жизни!

Гу Шаобай быстро поднял его и усадил на стул:

— Что ты делаешь? Кто просил тебя кланяться!

Цинсяо рассказал им всё по порядку.

Оказалось, Ван Цзинфэй был постоянным посетителем «Павильона Ялю», он любил издеваться над мальчиками для утех самыми жестокими способами, и число тех, кого он замучил до смерти, уже перевалило за десятки. Но семья Ван была могущественной, кто осмелился бы перечить, тем более таким низким существам, как мальчики-проституты. На этот раз он обратил внимание на Цинсяо, и, несмотря на всё его сопротивление, всё же затащил его в комнату, связал и стал избивать.

<http://bllate.org/book/16730/1538609>